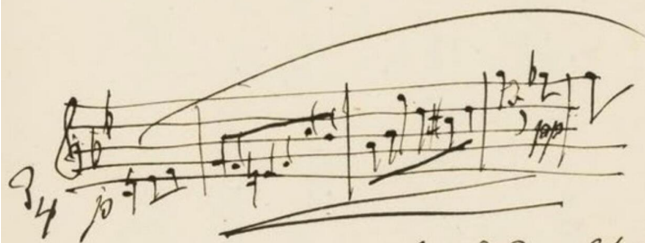

ОРКЕСТРОВЫЕ ТРУДНОСТИ

АЛИНА КОНОНОВА \ ТОРГОВЛЯ ЛУНАМИ

...same sign: Arnold von Fischhof

Алина Кононова

Оркестровые трудности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72017014

SelfPub; 2025

Аннотация

Симфонический оркестр лишь кажется спокойным местом.

Взмах дирижёрской палочки рождает коварные планы. Слухи разлетаются по гримёркам, а инструмент с клеймом рогатого дерева ищет новую хозяйку.

Занимайте места – наш волшебный концерт вот-вот начнётся!

Алина Кононова

Оркестровые трудности

Я прячусь в одном из последних рядов оркестра.

Готова поспорить, вы всё равно меня видите. Вытяните шею. Заметили тёмную лаковую трубу, которая поднимается над рядами грифов и смычков? Это – верхнее колено моего фагота.

По размерам с нами может соперничать разве что контрабас. Но мой инструмент всё равно больше, особенно если его разложить. Два метра деревянных труб со сложной системой изгибов и клапанов.

Ремень натирает плечо. Бросаю взгляд в сторону дирижёрского пульта, на Нину. Рукава её свитера закатаны, русые волосы выбились из пучка. Палочка зажата в левой руке, мечется от такта к такту. Занеся пальцы над клапанами, мысленно считаю. Ещё четыре, а потом наше соло. Ещё три. Два. Один.

Губы сами находят трость.

«Болеро» – одно из моих любимых произведений. Равель не забыл о фаготистках, за что я ему благодарна. У нас не так много сольных партий.

Отработав в оркестре несколько лет, начинаешь ценить каждую из них.

Мне почти не нужно смотреть в ноты: я играю эту мело-

дию лет с тринадцати. Пальцы скользят по клапанам, в груди – то самое чувство, когда воздуха чуть-чуть не хватает. Я снова смотрю на Нину, а она ведёт нас через музыку, всех четверых. Последние движения руки. Последний такт.

Закрыв глаза, я позволяю себе слиться с инструментом – и мысленно улыбаюсь.

Мы вчетвером сидим в одной гримёрке. В филармонии есть и отдельные, для мужчин и женщин, но, если не нужно переодеваться, мы собираемся вместе. Разбираем партии. Пьём чай. Сплетничаем, конечно. Этим оркестр ничем не отличается от других коллективов.

А некоторые может и обогнать.

– Серёжа увольняется, – шепчет Ася, закрывая за собой дверь.

Я чуть не роняю футляр с тростями. Денис отрывается от партии Равеля, куда он старательно вносил пометки. Даже наши инструменты, ждущие на подставках, выглядят удивлёнными.

У нас большой оркестр, на целых четверых фаготистов. Раньше я играла в театре поменьше, и нас было только двое. Стоило напарнику заболеть – тянула все партии одна. Не слишком весело, но помогло набраться опыта.

Конечно, среди нас четверых есть лидер. Концертмейстер группы. Самый близкий к Нине; тот, кто задаёт ритм всем фаготам и получает по голове за наши ошибки.

Серёжа.

Мы дружно косимся на его фагот. Может, он поведаёт нам тайны хозяина? Но тяжёлая деревянная труба молчит – зато Денис подаёт голос:

– Это точная информация?

– Конечно! Я сама слышала, как он Нине говорит. Он уходит в оперный.

Кто-то будет слушать Моцарта и Глинку в исполнении Серёжи. Им повезло. Нам, в некотором роде, тоже.

Потому что, если Ася не ошиблась, у нас освобождается место концертмейстера группы.

От моего дома до филармонии – сорок минут на машине. Иногда я хочу перебраться поближе к работе, но никак не могу найти подходящую квартиру.

Стены везде такие тонкие.

Будет ложью сказать, что я совсем не завидую пианисткам. И скрипачкам тоже. Синтезатор, электронная скрипка – всё для них. Подключаешь наушники, и можно играть всю ночь.

Духовым такой радости не досталось.

Поэтому я репетирую до десяти вечера, и не дольше. Стою в мягких носках на ковре – специально постелила в углу. На нотном стане – партия девятой симфонии Шостаковича, вся в пометках и пятнах чернил.

Поверх домашней футболки затянут гайтан – ремень,

сшитый под заказ, который поддерживает инструмент. Я люблю играть стоя, хотя многие считают, что это неудобно. Но тело свободно покачивается в ритме музыки, пальцы летают по клапанам. Не обращая внимания на усталость, я скольжу взглядом по партии, пытаюсь не потеряться в нотах. Когда руки останавливаются, а лёгкие наполняются воздухом, на часах уже 22:07.

Пора заканчивать, иначе соседи потеряют терпение.

Снимаю трость, аккуратно отстёгиваю гайтан. Тянусь к тряпочке, которая ждёт на полке. Протирая инструмент, гадаю: Римский-Корсаков или Шостакович?

– Римский, – шепчет Серёжа.

Мы часто разогреваем фаготы вместе. Сегодня это как-то тоскливо, потому что он подтвердил все сплетни. Да, «Болеро» будет нашим финальным выходом вместе, а потом Серёжа отправится играть Чайковского и Бизе.

– Точно?

– Она сама мне сказала. – Серёжа понижает голос ещё сильнее: кларнеты и гобои явно подслушивают. – Ты со всем справишься. Порепетируй как следует.

Киваю. Зря я вчера возилась с Шостаковичем.

Если хочешь занять место концертмейстера, нужно пройти прослушивание. Там точно будут разные соло, включая «Болеро», я уверена. А ещё – оркестровые трудности.

Так мы называем отрывки, которые композиторы приду-

мывали, чтобы поиздеваться, не иначе. Моменты, вытягивающие всё дыхание из лёгких, требующие максимальной скорости и точности движений. Как Шостакович и его девятая симфония.

Как Римский-Корсаков с его «Шехерезадой».

Появляется Ася, падает на четвёртый стул. Она совсем худенькая, головой едва достаёт мне до плеча, но с инструментом управляется с удивительной лёгкостью. Денис приходит последним, косится на нас с Серёжей, перекидывает через шею ремень и достаёт из футляра трость.

Он, конечно, хочет занять позицию концертмейстера. Посмотрим.

Я знаю, Нина тоже расстроена новостями. Она стучит палочкой по пюпитру, поправляет сползающий на одно плечо свитер. Останавливает нас на середине такта, наклоняется в сторону флейт и спрашивает:

– Вы что, на похоронах? Это Равель, а не «Реквием».

Опускаю голову, пряча улыбку.

Как бы мы ни старались, выходит грустно. Нина заканчивает репетицию тяжёлым вздохом и бормочет что-то себе под нос. Оркестр начинает расходиться, а я нахожу ещё один повод завидовать коллегам: их инструменты не такие тяжёлые!

Скрипачи, флейтистки – все легко перекидывают кейсы через плечо и, щебеча, скрываются за кулисами. Я только разбираю и упаковываю фагот полчаса.

А ведь у меня есть дела, и немало.

Взвалив колчан с инструментом на спину, подтягиваю ремни. Дотащить до парковки, лишь бы не поскользнуться на льду. У служебного входа слышу яростный возглас:

– Это слишком дорого!

Голос Дениса. Конечно, я тут же тянусь послушать. Он спорит с каким-то парнем, размахивая руками – как всегда, чересчур эмоционально. Его собеседник мрачно щурится. Чёрное пальто застёгнуто на все пуговицы. Одна рука спрятана в кармане.

А вторая – придерживает кейс.

Потрёпанный кейс чёрной кожи: везде узнаю эту форму. Ноги сами ведут ближе.

– Я могу снизить на пять...

– На пятьдесят, – отрезает Денис.

– Ну нет.

– Что тут у вас?

Денис тут же рявкает:

– Не твоё дело!

А парень, увидев колчан за моей спиной, говорит:

– Ещё как её. Может, хоть девушка оценит.

– Не оценит!

Но незнакомец щёлкает замками. Такой звонкий, приятный звук. Крышка открывается.

Внутри – разобранный фагот.

Я опускаюсь на корточки, зачарованная серебряным сия-

нием. Обычно фаготы делают из клёна и меди, но тут – серебро и странное чёрное дерево. Я таких никогда не видела. Где он взял эту штуку? Тянуть потрогать, но крышка едва не хлопает по пальцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.